

Лирика

✍ Виктор Навдуш

Помню тихий город детства –
Неприметности пример.
Помню сопки по соседству,
В сопках – каменный карьер.

Оглашал он всю окрестность
Каждый день в урочный час.
Даже Каменно-карьерской
Наша улица звалась.

И хотелось нам, мальчишкам,
Той, окраинной шпане,
Чтобы тихий городишко
Загрел по всей стране.

Как мечтали мы азартно,
Как вздыхали всякий раз,
Если где-нибудь внезапно
Открывали уголь, газ.

Мы в наивной жили вере,
Что когда-нибудь и тут,
В нашем каменном карьере,
Много золота найдут.

И тогда пойдут кварталы,
Как там вьюгам не свистеть
Может, так оно и стало,
Может, вышел город в степь.

Может, вырос он до неба,
Впрочем, может быть, и нет.
Я не знаю, там я не был
С той поры так много лет.

Но как ни было б, ребята,
Греет память детских лет...
О годах жалеть не надо,
И не надо нас жалеть.

Мы не зря мечтали с вами:
Что-то всё-таки сбылось.
И, конечно же, с годами
Наше золото нашлось.

Вот опять сбегает сердце
В то далекое житьё...
Там, на Каменно-карьерской,
Детство – золото моё.

Из детства

День рождения, день рождения.
Гости, выпив, захмелев,
Мне суют в ладошку деньки,
Девять трёшками рублей.

Девять, в радостной ручонке
Сжаты сколько силы есть.
На базаре, в уценёнке
Фильмоскоп всего за шесть.

Фильмоскоп... Какие годы...
Мать выходит деньги взять,
Ведь у матери расходы...
Плачу я, и плачет мать.

Да простится мне, мальчонке,
Тот отчаянный рыбок.
На базаре, в уценёнке
Разжимаю кулачок.

Возвращаюсь, чуя трёпку.
День рождения, майский день...
На оставшуюся трёшку
Я несу духи «Сирень».

Я рос доверчивым щенком,
Бывал приласканным и битым,
Но не любил таить обиды,
Хоть груз обид и мне знаком.

Я рос в родительском доме,
И сытым был я, и обутым,
Но тяготел к чужим уютам
И сам не ведал почему.

Порой куражились скоты,
Меня растаптывая люто,
Но я опять тянулся к людям
При первом жесте доброты.

И я нисколько не сужу
Себя за прежние порывы,
Ведь никакой альтернативы
Я до сих пор не нахожу.

Воспоминание
о первом велосипеде

По улице прямой, как штык,
Проходим всем на удивленье,
Я пёр в телеге змевики
Для водяного отопления.

«Приди ко мне и жги костры...»

Справка «ММ»

Виктор Навдуш родился 1 мая 1952 года в Хабаровске. После окончания школы-восьмилетки поступил в Белгородский строительный техникум. В 1968–1970 годах работал электриком на Приморском горно-химическом комбинате и одновременно получал вечернее образование. Служил матросом на Тихоокеанском флоте.

В 1974-м переехал в Магнитогорск. Работал электриком на швейной фабрике, учеником травильщика на калибровочном заводе. В этом же году состоялась первая поэтическая публикация в газете швейной фабрики «Знамя». Позже учился на художественно-графическом факультете Магнитогорского государственного педагогического института, в Свердловском архитектурном институте.

В 2000 году вышла дебютная книга стихов «Координаты сердца» (16+), а ещё через три года книга «Войди в мой дом» (16+), за которую Виктор Навдуш был удостоен диплома III литературного конкурса имени К. М. Нефедьева. В 2007 году был принят в Союз писателей России.

А улица была длинна
И так пряма, и, между прочим,
Звалась Рабочей она,
И я был маленьким рабочим.

Но я работал, как большой,
Вовсю корячился, не видя,
Как следом шёл, следя за мной,
Работодатель дядя Витя.

Мой круглый тёзка, мой двойник,
Хотя причём тут званья эти,
И ни при чём тут змевики,
Змевики полно на свете.

Тогда хоть чёрта посади,
Я так же пёр бы его, гада,
Не видя, что там позади.
Но чуя – впереди награда.

Не помню, сколько было лет,
Но адрес неизменно точен.
Ведь первый мой велосипед
Оттуда, с улицы Рабочей.

Аромат акаций белых
Возле белого песка,
Расстаёмся, тёплый берег,
До свидания, пока.

В море брошена монета,
В сердце брошена тоска.
Мчит белая «Комета»,
Машет с берега рука.

Приди ко мне и жги костры.
Я без тебя живу, подобен
Магнитке без Магнит-горы,
Магнитке без печей и домен.

У неё – одиночество.
У него – одиночество.
Он, как Ваше Высочество,
Ходит к ней, когда хочется.

У него – сто свобод.
Он – орёл в облаках.
У неё – сто надежд
На него, дурака.

Я не верю тем писателям,
Кто, послав героя в бой,
Нагружает его всякой
Философской ерундой.

И отрывками трактата
Мыслит тот в пылу атак...
Как-то думают в атаках,
Но не думаю, что так.

Я шёл домой и за собой
Манил бездомную дворнягу,
И пёс доверчиво за мной
Бежал, прилаживаясь к шагу.

Рука моя была пуста,
И, видно, пса не мучил голод.
Он шёл за мною просто так:
На жесты, мимику и голос.

И я своим его считал,
Но возле самого подъезда

Пёс заупрямился и встал,
И как ни звал его – ни с места.
Какой заманчивой едой
Ни выстилал дорогу к двери,
Но пёс, наученный бедой,
Остался там, за той чертой,
Где безопасно людям верить.

Не обязательны столы
Поэтам для стихосложенья,
Им позарез нужны тылы
Вспониманья и терпенья.

Не для того, чтоб было где
Почистить перышки порою,
А чтоб на штормовой воде
Держался парус над волною.

На краю пустынного квартала
Фонари покачивают тьму.
Спят дома, и спит асфальт
устало,
Только мне не спится одному.

Поезда куда-то простучали,
Сонный ветер листьями
шуршит,
И к безмолвной полночи
причлен
Беспокойный парусник души.

Одинокий ритм сердцебиенья...
Я бреду в спокойной тихой мгле
И гоню упрямо ощущение,
Что везде так тихо на земле.

Всё дела, дела. Холера вас
Заберу. Сбежав от дел,
Я приехал в Кавалерово,
Я давно сюда хотел.

Я давно уже уверовал
В жизнь – лучшую из вер.
Я иду по Кавалерово,
Чем же я не кавалер?

Может быть,
не вышел мордочкой,
Да с лица воды не пить,
Выбирай меня, приморочка,
Выбирай да полюби!

Да пускай тревоги побоку,
Я тебя не подведу.
Мы пойдём с тобою под руку
У посёлка на виду.

На виду у стройных деревьев,
Где на камне имена
Кавалеров-кавалеровцев,
Тех, что выбрала война.

Еду к младшему брату.
Столько лет не видал.
Знаю: жил на зарплату,
Но достаток достал.

Есть квартира, машина –
То, чем я не богат.
Видно, хваткий мужчина
Младший брат.

И я рад, я не скрою.
В добрый час, в добрый час,
Но в сомненьях порою:
Кто же старший из нас?

Еду к младшему брату,
Эту грусть затаю.
Что, как если и вправду
Стал он старше, чем я?

Я люблю уезжать по утрам,
Но, подвластны законам
столетним,
Поезда тяготеют к ночам.
Ничего не поделаешь с этим.

Ну и пусть! Я пошлю их
к чертям,
В электричку вскочив
на рассвете.
Я люблю уезжать по утрам.
Ничего не поделаешь с этим.

Три поколения поют,
По случаю собравшись вместе.
И что за песни выдают,
И где берут такие песни.

Как будто открываю клад,
Сижу, захвачен песнопеньем...
А песни молодо летят,
Сверкая древним опереньем.

Три поколения поют,
Три верхних в родословной кроне.
А кажется – века встают,
Могуче расправляя корни.

Живу в избе на половине,
Что сдали мне хозяева.
Здесь нету телека в помине,
Зато есть печка и дрова.

И я присяду как бывало,
Пошире дверцу отворю,
Плотней прихлопну поддувало
И всё смотрю в огонь, смотрю.

Замру на ветхой табуретке
Над жуткой бездною огня...
И чудится: как будто предки
Оттуда смотрят на меня.

Старый дед, как пень замшелый,
У забора, а у ног –
Кошка масти чёрно-белой,
Как берёзовый пенёк.

По осеннему золоту
Выхожу из ворот.
А по нашему городу
Эстафета идёт.

Мчатся девочки, мальчики
Как отбившись от рук.
Разноцветные маечки
На ветру, на ветру.

В пику скорому холоду
И тоске непогод
По осеннему городу

Эстафета идёт.
По осеннему городу
Как по жилам моим...
Ничего, что я молоду,
Больше бит, чем любим.

Ничего, что рисуется
Мне судьба черново...
Ничего, образуется,
Ничего, ничего.

Всё дело, видно, было в храме.
Ведь, просыпаясь по утрам,
Я видел храм в оконной раме,
И засыпая, видел храм.

И в той подорванной квартире,
Где шёл ремонт, как будто бой,
Я жил в каком-то
стройном мире,
Где были радость и покой.

Теперь в другом раю оконном
Живу себе давным-давно,
Но как виденье, как икона,
Тот храм встаёт передо мной.

Шёл по городу чудак холостой,
Путь не близок был его, недалёк.
Нёс в одной руке портфель
непростой,
А в другой руке простой василёк.

Шёл, улавливая жизненный ток,
Как весы, качаясь над суеютой.
Показалось мне:
невзрачный цветок
Был весомей, чем портфель
золотой.

А берёзы в городе тоскуют
Под извечный фонарей фуршет.
Их многоэтажки атакуют,
А берёзам избы по душе.

Это липам, разметавши кроны,
Хорошо стоять в строю аллея,
А берёзы – белые вороны,
И берёзам хочется полей.

А берёзам хочется на волю,
На простор со степью и рекой.
Я и сам, наверное, завою
Скоро от житухи городской.

Знаю, ждёт посёлок
отдалённый.
Я уеду и начну с нуля.
И пускай горбатятся здесь
клёны,
И пусть лезут в штопор тополя.

Их же не прогонишь ни в какую
С городских массовок и ролей,
А берёзы в городе тоскуют,
Это так заметно в феврале.

Жили-были дед и баба
И до сей поры живут
На задах чужой усадьбы,
Городской презрев уют.

Так присохли к огороду,
Что всё лето на горбу
Для полива возят воду.
А зимой дымят в трубу.

Их судить оставьте Богу.
Не божжи и не бичи –
Просто люди жить не могут
Без земли и без печи.

На светлом фоне небосклона,
Когда бывает даль ясна,
Мне, словно с мостика, с балкона
Земля манящая видна.

Как будто там, по курсу прямо,
Встаёт, как прежде наяву,
Полоска острова Гуама.
А может быть, к себе зовут

Отроги Сихотэ-Алины –
Далёкой юности причал.
А может, сопки Сахалина,
Где прадед Чехова встречал.